

Серия «Бойцовский клуб»

В.В. Бондаренко, В.Н. Пустовойтов

Казачий рукопашный бой

Частные примеры техники современного
казачьего рукопашного боя

Москва
АСТ • Астрель
2009

УДК _____
ББК _____
Б

Серийное оформление — ООО Издательство «Книжкин дом»

Бондаренко В.В., Пустовойтов В.Н.

Б ___ Казачий рукопашный бой / В.В. Бондаренко, В.Н. Пустовойтов. — М.: АСТ: Астрель, 2009. — 352 с. — (Серия «Бойцовский клуб»).

ISBN

Книга посвящена малоизвестным видам рукопашного боя — казачьему историческому и современному (методика В.В. Бондаренко). Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся традиционными боевыми искусствами и историей. Авторы — члены ростовской ассоциации казачьих боевых искусств «ПЕРНАЧЬ», популяризаторы оригинальных методик рукопашного боя.

Издание может быть использовано в качестве пособия для педагогов дополнительного образования специализированных учебных заведений (кадетских корпусов, школ, гимназий, училищ и др.).

УДК
ББК

ISBN

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000-книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.д.009937.09.08. от 15.09.2008 г.

© Бондаренко В.В., Пустовойтов В.Н., текст, 2009
© Фролов И.И., обложка, 2009
© Оригинал-макет ООО «Издательство
«Книжкин дом», 2009
© ООО «Издательство «Астрель», 2009

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

.....

История и истоки казачьего рукопашного боя

1. Введение. Две ипостаси казацкого рукопашного боя: пластунская и войсковая

Как бы ни называли казачество историки, исследователи, его сторонники и критики (народ, этнос, субэтнос, сословие и т. д.), с точки зрения военного профессионализма, казаки были *воинской кастой*. То есть, главным назначением и признаком, по которому казачество отделялось от других сословий и этнообразований, было профессиональное занятие воинскими искусствами и участие в многочисленных военных кампаниях. Казак мог быть и купцом, и скотоводом, и земледельцем, и рыбаком, и охотником, и кузнецом, и оружейником, и мастером на все руки, и даже поэтом или живописцем, но при этом главным качеством казака всегда было — владение искусством боя, как конного, так и пешего, как в открытом бою, так и в режиме «потайной войны». Именно по этим качествам казак прежде всего получал общественное признание и оценку.

В подготовке казака как воина основой всегда служило его умение обращаться с конем, оружием, владение своим телом (как сказали бы сейчас — «общефизическая подготовка») и, разумеется, главной базой, на которой зиждилось все казачье воинское искусство был рукопашный бой. Даже искусство конного боя, джигитовки (южные казаки говорят «джигитки») начиналось «с земли», с базовых упражнений и комплексов, общефизической подготовки, впитывания с молодых ногтей базовых приемов и техник воинских искусств,

передававшихся из поколения в поколение, от отца к сыну, от деда к внуку.

Пластуны

Все исторические обзоры и современные исследователи единодушно разделяют рукопашный бой донских и запорожских (а впоследствии и кубанских) казаков по «верховому» и «пешему» признакам. То есть, у запорожцев главным видом боевых действий долгое время оставались походы на боевых челнах — «стругах» или «чайках» (в частности, «на турка»), набеги, нападения с целью уничтожения, разорения и разграбления как укрепленных, так и неукрепленных районов. Естественно, что превалирующей техникой боя в таких условиях была «пешая». В отличие от донских казаков, у которых преобладал «конный» стиль.

Впоследствии из «запорожской школы», из «рукопаша», или, по определению В. В. Задунайского, «казацко-рыцарского искусства» родился казачий «спецназ» — пластунские части и подразделения. Особенно широкое распространение они получили в регионах, где постоянно (или с некоторыми перерывами) велись боевые действия, а в периоды затишья — постоянные вылазки с целью разведывательных и диверсионных действий. К таким регионам Российской империи в разные периоды истории относились Кавказ, Закавказье, некоторые районы Средней Азии и Сибири, а также Дальний Восток.

Многие исследователи так и называют запорожских «прапластун» — «первой морской пехотой». В самом деле, они использовали легкие суда («чайки»), которые в случае необходимости можно было переносить на руках через мелководье и «переволоки». По некоторым данным, группа казаков, составлявших команду «чайки», именовалась «ватажкой» или «чайкой» (вспомним тех же американских морских пехотинцев, у которых минимальное подразделение называется «лодка» — это отделение, входящее в экипаж надувной десантной лодки, на которой личный состав переправляется с основного судна на берег — она имеет такие параметры, которые позволяют ее переносить на руках через линию прибоя, по суше и т. д.). В арсенале запорожских пластунов были дыхательные трубки — «камышины», благодаря которым они могли долгое время находиться под водой под самым носом противника. Вооружены они были «пистолями»,

ручными глиняными бомбами, снаряженными порохом и картечью, укороченными кривыми саблями и кинжалами типа «бейсуг». По некоторым данным, они также владели арканами, что позволяло не только «дистанционно» снять часового, захватить «языка» или «выдернуть» противника из седла, но и овладеть свободно пасущимися лошадьми, и это давало безусловное преимущество перед противником. Излишне упоминать, что владели они и различными видами метательного оружия: «стрелками», дротиками, ножами, благодаря чему получали возможность бесшумно снять часового или получить «последний шанс» одолеть противника и остаться в живых, когда другие возможности были исчерпаны.

Запорожцы, при Екатерине II переселенные на Кубань с Днепра стеречь русские рубежи, положили основу для дальнейшего развития казачьих боевых систем — как фортификационных и «оружных», так и искусства рукопашного боя. Кордонная линия тянулась по правому, гористому берегу Кубани. У Анапы она соединялась с береговой линией, тянущейся вдоль берега Черного моря на юг до Грузии. Гарнизоны постов береговой линии были сняты и перевезены в Крым перед самым началом осады Севастополя, но кордонная линия на Кубани оставалась, как прежде, оплотом против набегов горцев и опорой для наступательных действий против них же.

В боевых операциях против горцев, с одной стороны, и турок, с другой, шлифовалась и обогащалась система казачьего «рукопаша». Она впитала и не могла не впитать приемы боя одной из самых опытных и боеспособных армий мира того времени — турецкой (которой к тому же всегда помогали англичане!), с одной стороны, и партизанские методики «тайной войны» горских народов, с другой. Не забудем и о боевом наследии дикой степи, с народами которой казаки воевали беспрестанно, и многие из которых исторически влились и растворились в казачестве. Поэтому, исследуя технику приемов казачьего рукопашного боя, мы обнаруживаем в ней следы как элитных боевых методик (например, филигранное владение кривым клинком из уникальной стали особой заточки), так и варварские приемы боя голой рукой, при которых вырывался кадык, ноздри, выбивались глаза и т. п.

Поэтому одни приемы казачьего рукопашного боя имеют отчетливое боевое, можно сказать, «строевое» предназначение, а другие принадлежат арсеналу специальных казачьих подразделений

и групп, со временем оформившихся в особую воинскую касту — ПЛАСТУНОВ.

В отличие от турецких кампаний, имевших четкие временные границы, прикубанская пограничная война, которая велась мелкими партизанскими отрядами и маленькими группами, тянулась десятки лет. С кем же и в каких условиях воевали казаки-кубанцы?

Первоначальные коши и курени их превратились в станицы и хутора, подкреплявшие кордонную цепь особыми подразделениями — отрядами боевого охранения, разведки и контрразведки. Их задачей было во время ожидаемых нападений горцев летом и осенью производить разведывательные и противодиверсионные мероприятия. Зимой же эти вспомогательные отряды располагались около линии биваком под открытым небом и выстаивали так 2–2,5 месяца, потому что зимой Кубань замерзала и была проходима во всю длину для пеших и конных горцев («психадзе» и «хеджеретов»). На лугах вдоль Кубани заготавливалось фуражное сено для войскового и домашнего скота, часто — несколько тысяч стогов, миллионы пудов сена. Шапсуги и хеджереты пробирались к санным запасам, выстреливали в них из пистолетов, или пускали зажженную стрелу — и стога начинали пылать. Жечь казацкое сено входило в практику борьбы горцев с русскими, и делалось это большей частью зимой. Естественно, что с казачьей стороны попыткам уничтожить запасы фуража противостояли небольшие мобильные группы казаков, готовых разыскать диверсионную группу противника и уничтожить ее.

Но и летом шла непрерывная разведка и тайная война в беспредельных, не нанесенных ни на одну карту кубанских плавнях, которые являли собой сплошную топь, покрытую камышами и кое-где прорезанную текучими водами или озерами, оставшимися после разлива реки. Здесь в любом месте могли таиться на островах или отмелях, поросших ивняком, небольшие шайки. И те же плавни скрывали многочисленные казачьи пикеты. Топи и болота со всеми узенькими, едва заметными тропинками в них, проложенными стадами кабанов, были открытой книгой для казаков, которые охотились в них на тех же кабанов, и на диких коз, и на фазанов, и на другую дичь. Плавни, которые один известный путешественник назвал «русской сельвой», представляли собой совершенно особый топологический и микроклиматический мир. Здесь зимой и летом шла активная жизнь: бесчисленное размножение и борьба за жизнь птиц

и зверей, а весной и летом в них гудели полчища комаров, жадно впиваясь в лицо, руки и шею любого вступившего в это царство зелени, зыбкой земли и мутной воды. Эти тучи комаров и мошкеры, крутившихся над тем или иным местом в плавнях, давали знать осторожным разведчикам и лазутчикам с обеих сторон, что тропинки стерегут казаки, а на отмелях или островах таятся горцы.

Отчаянных смельчаков с обеих сторон породила эта бесконечная война.

У горцев ими были хеджереты¹ (за Тереком — «абреки»). Набеги на русских были их единственным способом жизни. Горская пословица утверждала, что они «подковами пашут, свинцом засевают, пашками жнут». Если какой-то горский вождь задумывал большой набег, он, заранее оповещая об этом, расстилал около своего двора бурку. Всякий, кто хотел участвовать в набеге, бросал камешек на эту бурку. Считалось недостойным у горцев пересчитывать людей, как скот, поэтому считались камешки, по числу которых и определялась сила отряда. Костяк любого из таких отрядов составляли именно хеджереты. Оборванцы по одежде и первые богачи по оружию, хеджереты были действительно удальцами, смельчаками, готовые идти на самые дерзкие предприятия. «Кожа с убитого хеджерета ни на что не годится, но когти этого зверя дорого стоят» — так гласила другая горская поговорка. Горцы складывали о них песни, горские девушки отдавали на празднествах им предпочтение перед молодыми красавцами, бешметы которых были обшиты серебряным галуном. И первая красавица большого шапсугского аула, царица пира, проходя мимо подобных галунников, находила затерянного в толпе оборванного хеджерета, славного своими подвигами, и подавала ему руку для пляски. И это отличие считалось у хеджеретов высшей наградой.

Разумеется, и казакам требовалось выставить из своей среды против них таких бойцов, которые могли бы тягаться с ними сметливостью, умениями, боевыми качествами и хладнокровной отвагой. Именно такими были кубанские пластуны.

Пластуны — не кавалеристы, как хеджереты, но, пожалуй, их нельзя было назвать и пехотинцами, потому что они не учились строевым приемам для полевых сражений и парадов, как это пола-

¹ *Хеджереты* (от арабск. «хеджра» — «бегство», «беглецы») — выселенцы из отдаленных аулов, ничего не имеющие, кроме коня и оружия, промышленяющие разбоем и наемничеством.

галось регулярной пехоте. Однако они учились двигаться ползком, работая локтями и коленями, подползать, подбираться незаметно, пользуясь густой травой, где камышом, где кустами, где камнями, как прикрытием для своего распластанного по земле тела. Само украинское слово «пластун» можно перевести как «ползающий».

С.Н. Сергеев-Ценский, известный историк и писатель, писал о них: «Они учились быть разведчиками и были непревзойденные разведчики; они учились часами без малейшего движения сидеть или лежать в засаде; они учились без промаху стрелять из штуцера или из пистолета и владеть кинжалом, как мог бы владеть им только природный горец».

Вначале пластуны располагались вдоль линии небольшими группами, как тогда их называли, «товариществами» или «батареями». Каждой батарее полагалась небольшая сигнальная пушка, из которой производился тревожный выстрел при обнаружении неприятеля, идущего в набег большими силами. В 1842 году в штатные расписания конных полков и пеших батальонов Черноморского казачьего войска были включены пластунские команды численностью соответственно 60 и 96 человек каждая. Оружие они имели более современное, чем прочие казаки, в частности, первыми получили дальнобойные штуцера с примкнутыми штыками. С учетом специфики трудной и полной опасностей службы пластунам было назначено и повышенное по сравнению с другими казаками жалование.

Боевые традиции и тактика пластунов складывались веками. В походе они находились в передовом разведывательном дозоре, на привале — в засаде в боевом охранении. В полевом укреплении — в постоянном поиске по окрестным лесам и ущельям. При этом пластуны ночью группами от 3 до 10 человек проникали глубоко в расположение неприятеля, наблюдали за ним, подслушивали разговоры.

Пластуны и одевались как самые бедные горцы. Для этого имелось несколько причин. Каждый поиск по теснинам и дебрям основательно изнашивал обмундирование. Настоящие пластуны ничем не отличались от хеджеретов по одежде — их бешметы были такими же дырявыми, заплатанными всевозможными тряпичными и кожаными заплатами, однако никакого подражания и щегольства здесь не было: просто бешмету больше всего доставалось при пластунском способе передвижения. Все встречные корни, острые камни, шипы колючих растений норовили вырвать клочок боевого казачьего бешмета.

На ногах у пластунов были «постолы» или чувяки из шкуры ими же убитых диких кабанов, черной щетиной наружу. Такая обувь легка, удобна и не слышна при ходьбе, долго не промокает при неизбежной ходьбе по сырым плавням, а щетина не дает ногам скользить на мокром глиняном склоне. Вторая причина заключалась в том, что такая одежда была самым лучшим камуфляжем и оберегала пластуна от пули таящегося в засаде горского снайпера-охотника: даже вблизи сразу нельзя было разобрать, кто это такой крадется в плавнях или в горной «зеленке», и горцы зачастую не открывали огонь по таким «живописным», очень похожим на своих фигурам пластунов.

Походное убранство пластуна составляли черкеска, потрепанная, покрытая разноцветными заплатами; вытертая, порыжелая папаха, как правило, лихо заломленная на затылок. В руках верный штуцер с тесаком, на поясе — кинжал и так называемые причиндалы: пороховница, мешочек для пуль, жирник-масленка, шило из рога дикого козла, котелок. Брели с собой в поиск и ручные гранаты (если прижмет противник, зажигали фитили и забрасывали его гранатами, а сами — давай Бог ноги). Иногда экипировку дополняли балалайка или скрипка — развлечь себя и товарищей в редкие минуты отдыха.

В интересах скрытности ведения разведки пластунам разрешалось носить даже крашеную бороду. Многие из них знали местные наречия, нравы и обычаи. В некоторых аулах у пластунов были приятели-кунаки, сообщавшие им замыслы противника. Однако сведения, полученные даже от самых закадычных друзей-кунаков, всегда подлежали тщательной проверке.

На Кубани пластуны были глазами, ушами и щупальцами кордонной линии: им надлежало не пропускать незамеченными ни хеджеретов, ни хитрых психадзе¹, которые перебирались через Кубань по ночам, используя самые изощренные уловки. Хеджереты, которым некуда было спрятать своих коней, поневоле действовали как львы: смело, быстро и шумно. Психадзе, подобно волкам или шакалам, подкрадывались, скрытно выжидая удобного момента. Хеджереты часто носили под своим рубищем кольчуги, как настоящие рыцари; психадзе действовали налегке, но встреча с ними в плавнях никогда

¹ Психадзе — в переводе: «стая водяных волков»; шайки пеших горцев-разбойников и диверсантов, скрытно пробиравшиеся в тыл казакам, занимавшиеся грабежом, убийствами, поджогами и похищениями людей.

не сходила легко с рук пластунам. Разумеется, казачьему «спецназу» приходилось в совершенстве овладевать приемами скоротечного рукопашного боя, иначе такие профессиональные разбойники-«тихари», как психадзе, в любой момент могли отобрать у них боевую инициативу, да и саму жизнь. Кто не владел приемами молниеносного «рукопаша», тот просто не выживал. И этот «естественно-искусственный» отбор породил тот особый стиль, о котором мы будем говорить во второй части данного издания.

Обязанности и задачи у пластунов были очень сложны, главное — весьма ответственны. Прежде всего, они должны были внимательно читать всю следовую обстановку в плавнях: нет ли каких подозрительных, свежих следов. Да и самые тропинки могли быть свежими, только что проложенными, — кем? Когда? В какую сторону?

Поскольку у пластунов, не было никаких карт местности, все тропинки в нескончаемых плавнях должны они были запоминать на глазок, медленно пробираясь сквозь камыши, и всюду на поворотах и на «ростанях» (перекрестках троп) делая свои заметки, расставляя скрытные вежи. Они передвигались мелкими группами: три, пять, десять человек, не больше. По утрам на росистой траве остается след («сакма») пластуна, на чернотропе и снегу — отпечатки, по краям тропы — обломанные веточки, сбитая влага или снег, и тот не пластун, кто не умеет за собой убрать следов. Пластуны всячески старались запутать тех, кто попытался бы разгадать по их следам направление движения. Они или прыгали на одной ноге, или «задковали», то есть шли задом, только оглядываясь времени от времени, туда ли идут. Часто создавали «обманку» — ложный след (фальшивые тропы, бутафорские отметины), что сбивало противника с верного пути и позволяло выиграть время. Задерживали противника и «запады» — ловушки и западни типа волчьих ям или настороженных самострелов, которые могли нанести неосторожному преследователю серьезные увечья. Иногда использовалась оригинальная сигнализация — «живец», представлявшая собою пойманную силком живую птицу, привязанную бечевкой у тропы. Завидев идущего человека, птица принималась биться, поднимала истошный крик, и этим предупреждала залегших на отдых или в секрет пластунов о приближении чужака.

Придти на помощь к ним никто не мог, так что в случае встречи с более многочисленным врагом могли они надеяться только на свою

удачливость, на меткость своих штуцеров. А также — на боевую смекалку и секреты рукопашного боя. Ведь отследив — в плавнях ли, в степи ли, в горах ли — противника, предстояло либо быстро и бесшумно захватить его живьем для доставки в станицу, либо так же бесшумно убить и спрятать тело, чтобы не вызвать подозрений и кровной мести — ушел человек и сгинул, мало ли в этих диких местах опасностей его подстерегают. Для этого требовалось в совершенстве владеть техникой боя как вооруженной, так и «пустой» рукой, или ногой. Причем, многие эффективные, но слишком «шумные» удары не годились: в горах или над водой звук в тишине разносится порой на версты. Поэтому техника рукопашного боя пластунов, скорее всего, походила на специальные комплексы современных разведподразделений: бесшумные удары ножом в жизненно важные точки в сочетании с захватами и удержаниями, удушающие захваты, ущемления в области шеи, точечные удары собранными в щепоть («в крыло») пальцами, костяшками пальцев, ребрами ладоней, локтем, коленом и т. п.

Причем, позиции, из которых проводились все эти приемы, мало напоминали классическую боевую стойку: ее попросту некогда было принимать в условиях скоротечного контакта в разведывательной или диверсионной операции. Скорее всего, основными позициями были: «пластун сзади», «пластун сбоку» (слева или справа), «пластун снизу» (спереди и сзади, именно из этой позиции проводился знаменитый вспарывающий «пластунский удар» для снятия часовых, в который вкладывалась вся сила поднимающегося с земли человека), а также «пластун спереди», когда нападавший внезапно появлялся перед жертвой, сразу ломая дистанцию и нанося единственный смертельный удар — рукой, штыком, ножом, при этом зажимая жертве шею, горло или рот, чтобы не дать криком обнаружить себя.

Все боевые движения отличались максимальной экономностью, малой амплитудой (коротким замахом или вообще его отсутствием), быстротой и одновременно мягкостью и точностью. Большой популярностью пользовались связки — серии приемов, когда одного действие без остановки переходило в другое, в результате чего противник, только что стоявший с оружием в руках, оказывался лежащим на земле со свернутой шеей, причем оружие не падало на землю, а оказывалось у пластуна или его товарища. А если недалеко нахо-

дился другой противник, стоящий, к примеру, на соседнем посту, на вышке или башне — он ничего не слышал¹.

Для пластунов было характерно умение применять в качестве оружия любой пригодный предмет. Например, широко известна техника работы «в шомпола»: подкравшись к спящему противнику, пластун вонзал шомпол в ухо. Чтобы он не вскрикнул во сне, пластун слегка толкал его в плечо, а когда тот только-только начинал открывать глаза, наносил смертельный удар. Таким способом в годы Второй мировой войны казаки-красноармейцы «брали в шомпола» целые немецкие батальоны. Не желая включаться в теоретический спор о боевых качествах нагайки, заметим, что боевой офицерской нагайкой, в кожаный наконечник («шлепок») которой зашивалась винтовочная пуля, можно было, (при условии мастерского владения, конечно), убить человека точным ударом в височную область. В случае боя в жилой зоне (домах, дворах, хозпостройках), где имелись под рукой хозяйственные инструменты, пластуны, безусловно, могли использовать в качестве достаточно эффективного оружия косы, топоры, кетмени, грабли, вилы и т. п. Излишне упоминать, что они также часто и эффективно использовали все виды метательного оружия, начиная от простой рогатки и дротика и кончая различного типа самострелами.

Все приемы (и связки) рукопашного боя пластунов отличались максимальной скоротечностью — от одной до трех секунд, иначе они лишались своего главного преимущества — внезапности. Естественно, точность их выполнения должна была быть филигранной.

У пластунов, живших своей особой жизнью, полной опасностей, имелись свои предания и свои герои, сложившие кости в плавнях; свои поверья, заговоры, «замовления», общее название которым было — «характерства». Заговоры, обыкновенно, начинались словами: «*Я стану шептати, ти ж, Боже, рятувати...*», и касались они вражьей пули, опоя коня, укушения ядовитой змеи; наговоры же были на удачу своего ружья, своего капкана на охоте; «характерствами» останавливали кровотечения, «затворяли» раны...

Часто для разведок пластуны не только уходили на левый берег Кубани, но забирались «в глубокий тыл», поближе к аулам горцев, чтобы разузнать, не готовится ли там нападение большими силами

¹ Подобные связки приемов можно найти в фотоиллюстрациях ко второй части настоящего издания.

на главный кубанский курень-город Екатеринодар или на другие меньшие курени-станции.

Не нужно описывать, насколько были опасны подобные поиски в лагере противника. Некоторые пластуны погибали при этом, иные же, подраненные, попадали в плен. Черкесы всегда нуждались в работниках, и пленного покупали зажиточные хозяева. Но пластун всячески доказывал, что он ничего не умеет делать по хозяйству, от него только убыток. Цель его была одна — бежать, и когда такой случай представлялся, ни сторожевые собаки, ни цепи, которыми его сковывали, ни колоды, которые лишали его возможности передвигаться, препятствиями ему не служили: он убежал на свою Кубань.

В подавляющем числе пластунами служили люди средних лет: молодые не годились по недостатку терпения и сметки, старики — по стариковским «немоцам». Хотя следует заметить, что казаки в те времена в большинстве своем были людьми завидного здоровья и долголетия. Основными занятиями их дома были охота и рыболовство, они не знали, как русские крестьяне, тяжести непосильного труда. По большей части они еще были старообрядцами, не курили, воздух и вода были еще кристально чисты. Но, пожалуй, еще важнее была востребованность казачьего общества в людях пожилого возраста. Многие из казаков жили так долго и насыщенно, что никак не могли дожидаться естественного ухода, и однажды заявляли, что, дескать, хватит, пора и честь знать, ложились в уединенном уголке и, по сути, усилием воли заставляли жизнь покинуть свои тела.

Казакам, в качестве условия их существования, требовалось накапливать, анализировать и усваивать опыт предшествующих поколений. Вся жизнь их была напряженным и никогда не прекращавшимся учением. Сначала казачонок, затем молодой казак внимательно слушал старших, напитываясь их собственным жизненным опытом и опытом их предшественников, сохранным и донесенным до него в былинах, песнях и преданиях. Кто плохо учился, погибал в первом же бою. Все стандартные и нестандартные ситуации, в которых оказывались отцы и деды — на войне ли, на охоте, в бытовых переделках, — запоминались и передавались следующим поколениям.

Иногда пластуны принимали в свою среду молодых, если они только были сыновьями заслуженных и известных пластунов, опыт которых, конечно, должен был перейти к их «молодикам». В качестве исключения «в учение» брались особо одаренные парни из ста-

ничников, если они смогли проявить себя «в деле»: на длительной опасной охоте или в дерзкой самовольной вылазке. Все остальные к пластуновскому делу не годились, потому что в этой полной риска и лишений службе попросту не выживали.

С 1842 года пластунов произвели в отдельный род войск. Для них определили штатную численность: по шестидесяти на конный казачий полк, по девятисто шести на пеший батальон. Но штаты эти, как оказалось, были рассчитаны очень скупо, и число пластунов, по необходимости, далеко выходило за штатные рамки. Повышенное жалование, которое за свою трудную службу получали от казны пластуны, выдавалось только штатным, однако сверхштатные не очень завидовали им: все они были заядлые охотники, а охота в плавнях давала им и мясо, и сало, и шкуры, и мех, а удачные рейды и вылазки по тылам горцев — нередко и боевые трофеи: коней, сбрую, оружие, скот, а иногда — и полонянок, которых частенько брали в жены, обращая в православную веру, а то и так... Разумеется, официально начальство не поощряло подобные «шалости», но законы партизанской войны пишутся не в палатах и ставках, поэтому дух казачьей вольницы долго сохранялся в казачьих линейных частях вообще и пластуновских в частности.

Донцы-рукопашники

Русская поговорка «один в поле не воин» не имела к казакам никакого отношения. Казак, по своей природе будучи индивидуалистом, являлся таковым и в боевом отношении. Казаков с детства готовили к самостоятельным действиям в отрыве от основных сил, нередко в одиночку. «Каждый казак — сам себе атаман». Всегда оставался казак один, даже атакуя в строю. Эффект «гыркающей» и свистящей казачьей лавы был, как правило, следствием высочайшей индивидуальной выучки — и в первую очередь в боевых единоборствах. Казак приучен согласовывать свои действия с соседями по строю и с теми, кто подает команды, а не слепо действовать, повинаясь кому бы то ни было. Атаман Иван Иванович Краснов называл управление казаками в бою «военным самоуправлением».

Обучения казачьему рукопашному бою в современном понимании (постоянные тренеры, групповые занятия и т. п.) на Дону до 20-го столетия не велось. Но это не значит, что не велось вообще. Приемы

рукопашного боя казачонок впитывал с молоком матери, с первых шагов, первых контактов с окружающим миром. Маленького казачка постоянно подначивали старшие братья и уличные товарищи, мальчишечьи бои шли летом и зимой — курень на курень, улица на улицу, станица на станицу... Старшие присматривались, как будущий казак старается отстоять свою честь, достоинство и авторитет в непрерывных уличных потасовках и драках. Подсказывали, как лучше держать и отражать удары, как пользоваться тактическими уловками и хитростями, обучали «фамильным» приемам. А таковые приемы имелись в каждой казачьей семье. Наряду с «фамильными ударами» оружием: кинжалом, пашкой, пикой. И потом, уже в боевых условиях разглядывая тело пораженного противника, опытные бойцы определяли, чей конкретно это был фамильный удар — пикой, пашкой, а иногда и рукой...

Но самым главным «мероприятием» по рукопашному бою у донских казаков были, разумеется, знаменитые кулачные бои станичных и даже войсковых масштабов. Чаще, правда, происходили мелкие стычки либо праздничные «кулачки», приуроченные к каким-либо большим церковным праздникам, в период, когда войско не находилось в походе, то есть, не пребывало в состоянии войны.

В 1804 году Россия не вела масштабных боевых действий. Многие казаки, в том числе десятки генералов и сотни офицеров, находились по станицам. И они были любителями сойтись в кулачном бою, где в расчет принимались только личные бойцовские качества и умение организовать бой. Современники писали, что кулачные бои в станицах готовились с учетом достижений военно-стратегической мысли и тактического искусства: составлялась диспозиция, определялись ударные и резервные группы, рассматривались возможности маневрирования, определялись места для засад...

Самые крупные в Войске кулачные бои — бои в столице донского казачества Черкасске, длились несколько часов, с обеих сторон участвовало до 500 и более человек. Однако зимой 1804 года народу дома оказалось так много, а желание сойтись в бою так сильно, что после полудня назначенного дня к месту боя подтянулось по несколько тысяч казаков каждой из сторон!..

Кулачный бой в корне отличался от условий военных, когда в руках казаков было оружие и схватки были скоротечны: задачей бойца-казака было настичь противника, уклониться от поражающих

ударов и нанести один-два смертельных удара, а затем немедленно переключиться на следующего противника. Спустя несколько минут либо противник обращался в бегство, либо казаки отступали, производя перегруппировку или заманивая врага в ловушку. А здесь, «на кулачках», бились насмерть часами напролет и голыми руками, не щадя ни чинов, ни званий — в рукопашной схватке все были равны, и этим часто пользовались, чтобы свести счеты. Впрочем, правил и неписанных законов вольного кулачного боя никто не отменял и не нарушал: дрались голыми кулаками и «пустой рукой»: даже зажатый в кулаке пятак карался беспощадно; запрещались сознательные удары ниже пояса, лежащих бить категорически возбранялось и т. д.

Главные бои проходили на Масленицу, где-то через месяц-полтора после ежегодных на Новый год перевыборов станичных атаманов, их помощников и судей. Процедура эта, как обычно в обществе с демократическим устройством, оставляла немало неудовлетворенных личных амбиций. Кулачные бои в Прощеный день, предоставляя возможность набить физиономию оппонентам (или, напротив, схлопотать от них), напряжение это снимали.

Зимой 1804 года в Черкасске, на Ромазановом озере, произошли самые крупные и кровавые кулачные бои в истории между казаками и их соседями — станичными татарами, о которых историки рассказывают так:

«...И вот несколько тысяч таких бойцов, каждый из которых мог справиться в бою с двумя противниками, одновременно атакующими его, сошлись померяться силами — без поддавок и оглядки на публику и начальство.

Кровь растекалась по льду озера. Татары сначала держались дружнее, и в какой-то момент им удалось отеснить и окружить Жученкова и Мыльниковова. Те своими пудовыми кулаками десятками укладывали противников, но доставалось и им. Озверевшие противники рвали в клочья одежду друг на друге и били, не сдерживая себя более ничем. С обеих сторон появились убитые, и татары, пока выручка не поспела, норовили завалить Жученкова с Мыльниковым. Десятки и десятки казаков, очертя головы, бросались на выручку, их встречали громадные кулачищи Аблашки. В итоге татары дрогнули — может, их было меньше, и офицеров на порядки меньше, чем среди противников, и те лучше организовали свои действия. Краснов что-то писал об обходных маневрах — может, и «засадный полк»

появился на поле боя. Как бы то ни было, татары отступили. Преследовали их до моста через протоку, отделявшую Татарскую станицу от остальных десяти. Ликуя, казаки четверть часа кричали у протоки, растрачивая силы. А тем временем в Татарской поднялись все, кто мог передвигаться, включая женщин, детей, стариков и столетних старух. У кого силенки были, брал дубину поздоровее, более слабые довольствовались дрекольем из разобранных плетней. И когда эта обезумевшая от ярости толпа кинулась к мосту, не выдержали уже казаки, обратившись в бегство. Залитый кровью лед Ромазанова озера, десятки убитых и сотни искалеченных бойцов — вот итог небывалого боя...»

«...А когда войны окончились и столицу перенесли в новое место, оказалось, что и бывшие кулачные бои отошли в область преданий, оставшись лишь как развлечение. Донская история более уже не упоминает о приезде казанских бойцов. Сходят помаленьку на нет и донские татары. Татарская станица существовала несколько десятилетий на новом месте близ Новочеркасска, но после Крымской войны большая часть казаков-мусульман выехала в Турцию. Из великих кулачных бойцов сохранились сведения лишь о Матвее Федоровиче Коротине. Кажется, он был торговым казаком одной из Новочеркасских станиц, но в чем заключались его подвиги, уже не известно. А если говорить о знаменитых бойцах вообще, то, пожалуй, наиболее популярен был живший в XVIII веке Козин — казак то ли Багаевской, то ли Манычской станицы. Был он страстный охотник и рыболов, жил бобылем. Многократно демонстрировал и свои бойцовские качества в боях против нескольких противников сразу из числа донских татар. Те так были восхищены его силой и умением, что, улучив момент во время охоты на уток, опрокинули лодчонку и скрутили его, накинув сеть. После чего увезли в степь, где он несколько месяцев, если не лет, был занят воспроизведением потомства для ослабевшего татарского племени — для чего к нему свозили девиц со всей округи. В конце концов Козин бежал, убив двух сопровождающих...»

Тем не менее, на Дону сохранялись и сохраняются донские традиции казачьего рукопашного боя, и опыт одного из авторов этой книги об этом свидетельствует, впрочем, об этом мы расскажем в следующей части настоящего издания.

А сейчас обратим внимание на то, что даже при ближайшем рассмотрении техника рукопашного боя с оружием и без оружия обла-

Содержание

Об авторах	3
Предупреждение	4

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

История и истоки казачьего рукопашного боя

1. Введение. Две ипостаси казачьего рукопашного боя: пластунская и войсковая	6
Пластуны	7
Донцы-рукопашники	17
О Казачьем Спасе	24
2. Запорожский вариант казачьего рукопашного боя в реконструкции В.В. Задунайского — «Казачья Вэжа»	27
Истоки казацко-рыцарского искусства	27
Основные технические приемы казацко-рыцарского искусства («стиль — Казачья Вэжа»)	28
«Спысовый бой» (бой копьем)	29
Сабельный бой	36

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Разновидность современного казачьего рукопашного боя

(методика В. В. Бондаренко)

Введение	80
1. Общие положения и рекомендации по освоению курса	84
2. Собеседование с кандидатом в ученики	86
3. Тестирование кандидатов. Выявление физических и психологических возможностей	89
4. Разминка	92
Стандартные и специальные разминочные комплексы	92
Разминочные упражнения в парах	99
5. Твердая подготовка. Набив. Накат	103
Индивидуальный набив	103
Парный набив	104

Набивка рук	111
Накат	111
6. Силовая подготовка	115
Индивидуальная силовая подготовка.....	115
Силовые упражнения в парах.....	121
7. Стойка и перемещение в стойке	128
Изготовка к бою.....	128
Стойки	128
8. Страховка и само страховка	134
9. Блокировка.....	139
Жесткая блокировка.....	139
Отбивы.....	143
Отводы	143
10. Удары руками, ногами	145
Удары руками	145
Удары ногами	149
11. Прикладной раздел.....	153
Стойки	153
12. Болевое воздействие.....	334
13. Элементы (связки).....	335
14. Методика обучения боевым ситуациям	336
15. Приложение	339
Финальная часть Войсковой военно-патриотической игры «Атаманский Пернач» (экзамен на пластунский казачий берет)	339